

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://karamzinnikolai.ru/> Приятного чтения!

За всё, за всё тебя благодарю я. Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин

«Ах, обмануть меня нетрудно... Я сам обманываться рад!»

Поэтов «пушкинской плеяды» объединяют не только стихи о любви и России, поиски нового слога, рифмы, письма, встречи, литературные общества... Их объединяет благородство помыслов, романтичность, мужская дружба, в чем-то бесшабашность, а главное, – преданность идеалам. Большинство поэтов того времени принадлежали к дворянскому сословию, получили прекраснейшее образование, участвовали в войнах, которые вела Россия в первой половине XIX века... Их отношение друг к другу, к жизни, к женам и возлюбленным заслуживает восхищения, а иногда удивления... Так бывает!

Петр Андреевич Вяземский родился в 1792 году в Москве. Отпрыск княжеского рода, он принадлежал к старинной феодальной знати. В 1805 году отец поместил сына в петербургский иезуитский пансион, затем Петр вернулся в Москву, где пополнял свое образование, беря частные уроки у профессоров Московского университета. После смерти отца ему, шестнадцатилетнему юноше, осталось довольно крупное состояние. Молодой князь Вяземский вел в эти годы весьма рассеянную жизнь, азартно играл в карты; но вместе с тем именно в этот период у него сложились прочные литературные связи, надолго определившие его творческий путь. Сам Вяземский так рассказывал о своих юных годах: «С водворением Карамзина в наше семейство письменные наклонности мои долго не пользовались поощрением его. Я был между двух огней: отец хотел видеть во мне математика, Карамзин боялся увидеть во мне плохого стихотворца. Он часто пугал меня этой участью. Берегись, говаривал он: нет ничего жалче и смешнее худого писачки и рифмоплета».

Затем грянул грозный Двенадцатый год. Вступив в ополчение, Вяземский в чине поручика участвовал в Бородинском сражении, где под ним убили две лошади. За спасение генерала Бахметева он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Вяземский рано стал взрослым человеком. Не достигнув и двадцати лет, он женился на княжне Вере Гагариной – девушке чрезвычайно образованной, милой и необыкновенно, до странности, доброй. Это было взаимное пылкое увлечение двух схожих натур: Вера Гагарина была остроумна, находчива в разговоре, снисходительна к слабостям других и читала книги, подчас весьма серьезные, не для молодых барышень. Князь Петр Андреевич прожил «с княгиней доброй и прелестной» (выражение Пушкина) без малого 67 лет, похоронил семерых детей – последнюю, Марию, совсем уж взрослой, тридцати с небольшим. Княгиня всегда была рядом: и в горе, и в радости. Прощала ему все мелкие слабости, неверные шаги, глупости, увлечения другими дамами (среди которых была и блистательная графиня Фикельмон)... Она только лукаво щурилась, грозила мужу веером, качала головой и удивлялась про себя: что они находят в этом непривлекательном лице с крупными чертами? Впрочем, тут же находила ответ: в ее муже дам привлекала непринужденность и острота мысли. Об отменно светских манерах князя ходили легенды. Графиня Фикельмон во впечатлении о первой встрече с Вяземским сразу отметила: «чрезвычайно любезен». Это было главное, что бросилось в глаза весьма наблюдательной женщине, воспринимавшей этикет как естественную часть жизни.

Свободолюбивые идеи Петра Андреевича тогда окончательно оформились. Он сблизился в Варшаве со многими из тех, кто потом принимал участие в декабристском мятеже и польском народно-освободительном движении 1830-х. Вяземский составлял записку об освобождении крестьян, проект которой предполагалось подать на рассмотрение императору Александру I. Агент III Отделения доносил своему шефу графу Бенкендорфу: «Образ мыслей Вяземского может быть по достоинству оценен по его пьесе (т. е. – стихам. – Примеч. сост.) «Негодование», ставшей катехизисом заговорщиков»:

Свобода! О, молодая дева!
Посланница благих богов!
Ты победишь упорство гнева
Твоих неистовых врагов.

Кстати, Николай I не напрасно как-то заметил: «Князь Вяземский избежал участи арестанта только потому, что оказался умнее и осторожнее других».

Разгром движения декабристов был для Вяземского прежде всего огромной личной

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов драмой. Он терял друзей и единомышленников. Атмосфера в обществе становилась все более тяжелой. Его опальное положение длилось долгих девять лет. В 1828 году оно осложнилось клеветническим доносом на якобы его непристойное поведение. От имени императора московскому генерал-губернатору Голицыну было приказано «внушить князю Вяземскому, что правительство оставляет собственно поведение его дотоле, доколе предосудительность оно не послужит к соблазну других молодых людей и не вовлечет их в пороки. В сем же последнем случае приняты будут необходимые меры строгости к укрощению его безнравственной жизни». Это «высочайшее оскорбление» было тем более обидно, что непосредственным поводом к нему послужил опять-таки донос о том, что Вяземский намерен издавать под чужим именем некую «Утреннюю газету». Он же не имел об этой газете никакого понятия.

От мысли эмигрировать Вяземскому пришлось отказаться из-за того, что семья росла и денег было не очень много. Дети часто болели, средства уходили на их лечение. Кроме того, хоть и убежденный враг реакции, но он, как дворянин, был все же монархистом – принадлежал, как тонко выражались тогда, «к оппозиции Его Величества». Князь выбрал свою дорогу, решив, что ради чести древнего имени и будущего детей, он должен примириться с правительством. В декабре 1828-го – январе 1829 года Вяземский пишет свою «Исповедь» – обширный документ, в котором с достоинством излагает свои взгляды и идеи, принося извинения императору за резкость, с которой он высказывал их. Исповедь князя была в феврале 1829 года отослана Жуковскому в Петербург, а через того передана графу Бенкендорфу, затем императору Николаю I. Тот потребовал от князя Петра Андреевича личных извинений перед собою и братом своим, великим князем Константином, наместником Варшавы. Была ли эта аудиенция или нет, неизвестно, но раскаявшийся «республиканец-монархист» уже в феврале 1830 года получил первое государственное назначение – он стал чиновником по особым поручениям при министре финансов графе Канкрине. Должность была более чем почетная.

Пушкин беззлобно подшучивал над Вяземским в письмах того времени: «Настоящая служба твоя – при графине фикельмон. Она удержит тебя в Петербурге...» (дословная фраза из письма 1831 года) – намекая на его бурные успехи в светских салонах, на установившиеся теплые личные отношения «с посланницей богов, посланницей австрийской» (выражение самого Вяземского). Впрочем, отношения эти больше были похожи на «влюбленную дружбу».

Вяземский был удивительно жизнерадостный человек. Иронизировал, подтрунивал над собой, его язвительные остроты друзья записывали в альбомы, запоминали наизусть. Говаривали, что в его чувстве юмора есть что-то необычное, немного холодное, как бы ускользающее от понимания. А разгадка, возможно, заключалась в том, что в его жилах текла по материнской линии англоирландская кровь. Никто не видел его слез. Их почти не было и у могилы дочери Полины, в цветущем и равнодушном Риме. Княгиня плакала навзрыд, почти теряя сознание, но он словно окаменел... Вернувшись в Петербург (май 1835-го), запирался в кабинете, заполнял заметками записные книжки. Вечерами приезжали немногие гости, вели негромкие разговоры с княгиней Верой, пили чай. Частенько заглядывал и Пушкин. Его приезду Вяземский бывал особенно рад, уводил в кабинет, где они сидели, вспоминая, или молчали, думая каждый о своем. Встречались на светских раутах – Пушкин казался задумчивым и желчным одновременно. По гостиним в то время уже ползли слухи о предстоящем скандале, недопустимом поведении Жоржа Дантеса. Но Вяземский был так поглощен своим собственным горем и печальными размышлениями, что не придавал должного значения этой, как ему казалось, затянувшейся светской сплетне. Как же он казнил себя за то, что вернулся домой слишком поздно в вечер перед этой злосчастной дуэлью! На следующий день свершилось непоправимое... Февральские снежинки падали на воротник его шубы, но он не замечал ничего. Гроб с телом Пушкина стоял в церковном подвале. Пушкина не было.

Сохранилось огромное количество писем Пушкина к князю – семьдесят четыре. Чуть больше было только к жене. Пушкин с признательностью и благодарностью отвечал на все замечания Вяземского, а особенно – на его критические статьи по поводу его ранних поэм: «Цыганы», «Полтава», «Кавказский пленник». Он писал Вяземскому: «Пусть утешит тебя Бог за то, что ты меня утешил! Приятно выслушать мнение о себе умного человека!» А, вспоминая о Пушкине, Вяземский говорил: «Он судил о труде моем с живым сочувствием приятеля и авторитетом писателя и опытного критика, меткого, строгого и светлого. Вообще, хвалил он более, нежели критиковал... День, проведенный с Пушкиным был для меня праздничным днем. Скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд».

Просматривая огромное количество критических заметок, статей и воспоминаний, посвященных Вяземским Пушкину, нельзя порою отделаться от мысли, что Вяземский как бы пытается загладить невольную свою вину перед поэтом. Был самым близким другом, а не сумел спасти, помочь, уберечь! Вяземский не защищался от этих обвинений – косвенных и прямых. Он так и пронес тяжесть их до самого конца. Его письмо о последних днях жизни Пушкина, написанное по просьбе Жуковского, исполнено горячей любовью к другу. Там есть строки: «Разумеется, с большим благоразумием и меньшим жаром в крови и без страстей Пушкин повел бы это дело иначе... Но на беду, провидение дало нам в нем великого Поэта».

Рок как будто преследовал поэтов того времени. В 1931 году Пушкин глубоко переживал уход своего близкого друга Антона Антоновича Дельвига, которого еще недавно (и так бесконечно давно!) поздравлял с женитьбой: «Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига, – писал он под впечатлением понесенной потери. – Без него мы точно осиротели. Смерть Дельвига нагоняет на меня тоску. Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был лучшим из нас».

Взаимные отношения Пушкина и Дельвига представляют собою редкий и умильный пример: дружба их была на редкость тесная, основанная на взаимном понимании и уважении; с момента вступления в Лицей. В 1815 году Дельвиг писал:

Пушкин! Он и в лесах не укроется:
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Апполон на Олимп торжествующий.

Когда Дельвиг задумал жениться, Пушкин, узнав о предстоящей перемене в судьбе друга, принял весть с волнением. «Женится ли Дельвиг? Опиши мне всю церемонию. Как он хорош должен быть под венцом! Жаль, что я не буду его шафером», – писал он Плетневу в середине июля 1825 года из Михайловской ссылки, где незадолго до того посетил его Дельвиг, а вскоре писал самому Дельвигу: «Ты, слышал я, женишься в августе, – поздравляю, мой милый! будь счастлив, хоть это чертовски мудрено».

Пушкин не сомневался в выборе своего друга – невеста была дочерью просвещенного человека, «почетного гуся» «Арзамаса» (литературного кружка), Михаила Александровича Салтыкова, – но мизантропически тогда настроенный, не верил вообще в человеческое счастье. Однако, когда свадьба друга состоялась, он радостно-шутливо приветствовал своего друга и его молодую жену...

В доме Дельвигов часто устраивались литературно-музыкальные вечера, но желанного семейного счастья из-за увлекающегося характера супруги не было, что четко отразилось в единственном посвященном жене стихотворении:

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»
И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.
Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.
И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

Впрочем, Софья Михайловна старалась создать дома атмосферу дружеского общения и веселья. Часто исполнялись романсы на стихи Языкова, Пушкина и самого Дельвига. После того как молодой композитор Алябьев написал музыку на слова его стихотворения «Соловей», романс запела вся Россия. Сырой климат Петербурга не подходил Дельвигу, он простужался и часто болел, но уехать куда-то отдохнуть не имел возможности – мешали издательские заботы и нехватка средств. Очень тяжело

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов
он переживал разлуку с друзьями-декабристами: Пушковым, Кюхельбекером, Бестужевым, Якушкиным. Старался поддержать их письмами, посылками – всем, чем мог. Это тоже вызвало тихое недовольство власти. Официальной причиной внезапной смерти Дельвига считается тяжелый разговор с начальником III Отделения графом Бенкендорфом в ноябре 1830 года. Бенкендорф обвинил Дельвига в неподчинении властям, печатании недозволенного в «Литературной газете» и пригрозил ссылкой в Сибирь ему, Пушкину и Вяземскому. Дельвиг вел себя столь мужественно, достойно и хладнокровно, что в конце разговора граф, вспомнив о дворянском достоинстве, вынужден был извиниться: Дельвиг спокойно вышел из кабинета. Но когда он вернулся домой, то вскоре слег в приступе нервной лихорадки, осложнившейся воспалением легких.

Причиной же неофициальной, но эмоционально более понятной была банальная супружеская измена. По воспоминаниям Евгения Баратынского (малоизвестным и никогда не публиковавшимся), поэт, вернувшись домой в неурочный час, застал баронессу в объятиях очередного поклонника. Произошла бурная сцена, София Михайловна и не пыталась оправдаться, упрекала мужа в холодности и невнимании. Тяжелые впечатления от разговора с Бенкендорфом и семейная трагедия привели к тяжелому приступу нервической лихорадки. Все осложнилось простудой. Полтора месяца Дельвиг провел в постели. Одна ночь облегчения сменялась двумя ночами приступов кашля, озноба и бреда. Врачи пытались облегчить страдания больного, но безуспешно. 14 (26) января 1831 года Антона Дельвига не стало. Он умер, не приходя в сознание, шепча в горячечном бреде одно и то же: «Сонечка, зачем ты сделала это?!» В доме поспешно разобрали нарядно украшенную елку. Завесили черным кружевом зеркала. Зажгли свечи. Кто-то открыл створку окна. Порывом ледяного ветра свечу задуло. На секунду все погасло во мраке. И тут послышалось пение: София Михайловна, не отходившая последние дни от постели мужа, заливаясь слезами и глядя его похолодевшие руки, бархатным контральто пыталась вывести первые строки романса ее мужа:

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?

Голос сорвался на самой высокой ноте. Ответом скорбному пению была лишь пронзительная тишина. Спустя несколько месяцев после смерти Дельвига, баронесса София Михайловна Дельвиг вышла замуж за брата поэта Евгения Баратынского – Сергея Абрамовича. Он и был тем поклонником, которого застал в своем доме в поздний час барон Дельвиг. Всю свою жизнь София Михайловна не могла сдержать слез, слыша первые такты «Соловья». В доме Баратынских этот романс никогда не исполнялся.

Брат Сергея – поэт «пушкинской плеяды» Евгений Баратынский (правильно – Боратынский) родился в 1800 году. Мальчик рано познакомился с итальянским языком; вполне овладел он также французским, принятым в доме Баратынских, и с восьми лет уже писал по-французски письма. В декабре 1812 года, окончив пансион, он стал воспитанником Пажеского корпуса, этого привилегированного заведения, атмосфера которого, видимо, резко отличалась от той, в какую попал Пушкин в Лицее. В письме Жуковскому Баратынский подробно рассказал о пребывании в корпусе: о друзьях («резвые мальчишки») и недругах («начальники»), об «обществе мстителей», возникшем под влиянием «Разбойников» Шиллера («Мысль не смотреть ни на что, свергнуть с себя всякое принуждение меня восхитила; радостное чувство свободы волновало мою душу...»). Мстительные забавы завершились прискорбно – участием в краже крупной суммы денег у отца товарища, после чего последовало исключение из корпуса в 1816 году. По личному приказу Александра I Баратынскому «за негодное поведение» строжайше запрещалось отныне служить где-либо, кроме как в армии – рядовым! Нетрудно представить смятенное состояние чувствительного, пылкого, щепетильного юноши.

Воспоминание о провинности сидело в Баратынском, как гигантская заноза, не давало покоя его совести и самолюбию. Он по-прежнему тяготился своим клеймом позора и три года тщетно надеялся на высочайшее прощение. Так и не дождавшись, в начале 1819 года Баратынский, по совету родных, отправился в Петербург и поступил рядовым в лейб-гвардии Егерский Его Величества полк. Через приятеля по Пажескому корпусу он познакомился с Дельвигом, который стал ему особенно близок. Баратынский показал ему свои стихи. Тот познакомил его с Жуковским, Плетневым, Федором Глинкой, Кюхельбекером и Пушкиным. Баратынский стал посещать их

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов
дружеские вечера...

Попытки друзей добиться офицерского звания для Баратынского долго наталкивались на отказ императора, причиной которого был независимый характер поэта и оппозиционные высказывания, которые часто можно было слышать от него. О снятии наказания хлопотали Александр Тургенев (брат декабриста Николая Тургенева), Вяземский, Жуковский, страстное участие в его судьбе принимал Пушкин. Сам находясь в Михайловской ссылке, он писал брату в начале 1825 года: «Что Баратынский?.. И скоро ль, долго ль?.. как узнать?.. Где вестник искупления? Бедный Баратынский, как подумаешь о нем, так поневоле постыдишься унывать...» Не только по доброте своей писал так Пушкин, но и потому, вероятно, что прекрасно чувствовал драматизм самоощущения самолюбивого человека, попавшего в столь двусмысленное положение. «Уведомь о Баратынском, – писал он опять брату через некоторое время, – свечку поставлю за Закревского, если он его выручит...» Только в апреле 1825 года, после почти семи лет военной службы нижним чином, Баратынский наконец был произведен в офицеры, что давало ему возможность распорядиться своей судьбой.

В 1825 году Баратынский женился на дочери генерал-майора Энгельгардта Анастасии Львовне и скоро вышел в отставку. Еще до женитьбы Баратынский писал: «В Финляндии я пережил все, что было живого в моем сердце. Ее живописные, хотя угрюмые горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но, по крайней мере, довольно обильную в красках. Судьба, которую я предвижу, будет подобна русским однообразным равнинам...» Баратынский оказался прав, и его жизнь после 1826 года стала однообразной. Его жена не была красива, но отличалась умом и тонким вкусом. Ее беспокойный характер причинял много страданий Баратынскому и повлиял на то, что многие друзья от него отделились. В мирной семейной жизни постепенно сгладилось в Баратынском все, что было в нем буйного, мятежного. Он сознавался сам:

Весельчакам я запер дверь,
Я пресыщен их буйным счастьем,
И заменил его теперь
Пристойным, тихим сладострастьем.

В свете Баратынские появлялись редко. Они любили подолгу жить в поместье Мураново (позднее принадлежавшее Тютчевым).

Пушкин познакомился с Баратынским в 1819 году и едва ли не первый оценил своеобычность его поэтического дара, стал ревностным пропагандистом его поэзии. Однако Баратынский, восхищаясь «Полтавой», «Борисом Годуновым», «Повестями Белкина», находил слабым величайшее творение Пушкина – «Евгений Онегин». Об их личных отношениях лучше всего сказал сам Пушкин в письме к Плетневу, получив известие о смерти Дельвига, их общего друга: «Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё». В сущности, в этих словах он назвал Баратынского в числе немногих самых близких людей, оставшихся у него на земле. Современники видели в Баратынском талантливого поэта, но поэта прежде всего пушкинской школы; его позднее творчество критика не приняла. Баратынского стали прямо обвинять в зависти к Пушкину; критики высказывали также предположение, что Сальери Пушкин списал с Баратынского.

В письме Плетневу в 1839 году Баратынский подводил итоги: «Эти последние десять лет существования, на первый взгляд не имеющего никакой особенности, были мне тяжелее всех годов моего финляндского заточения... Хочется солнца и досуга, ничем не прерываемого уединения и тишины, если возможно, беспредельной». А в эти десять лет вместились, помимо семейных забот и праздников, встречи с Пушкиным и Вяземским, знакомство с Чаадаевым и Мицкевичем, смерть Пушкина, слава и смерть Лермонтова (о котором Баратынский не обмолвился ни словом), повести Гоголя (которые он приветствовал) и, наконец, дружба и разрыв с Иваном Киреевским, талантливым критиком, издателем журнала «Европеец». Нелегкий, «разборчивый», взыскательный характер вкупе с некоторыми творческими задачами поставили Баратынского в особое, обособленное положение и в жизни, и в литературе: он «стал для всех чужим и никому не близким» (Гоголь). Жена, которую он очень любил, была человеком интересным и преданным ему, но не могла заменить утраченные надежды и дружбы. Отказ от «общих вопросов» в пользу «исключительного существования» вел к неизбежному внутреннему одиночеству и творческой изоляции. Только высокая одаренность и замечательное стремление к самообладанию помогли Баратынскому достойно ответить на вызов, брошенный ему «судьбой непримиримой». Ведь еще в 1825 году он написал:

Меня тягчил печалей груз,
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях муз...
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел...

Весной 1844 года Баратынские отправились через Марсель морем в Неаполь, в Италию, которую поэт любил с детства, наслушавшись о ней от своего воспитателя-итальянца. Здесь он пишет свое последнее стихотворение «Дядьке-итальянцу», в котором вспоминает Россию, где итальянец «мирный кров обрел, а позже гроб спокойный». Перед отъездом из Парижа Баратынский чувствовал себя нездоровым, и врачи предостерегали его от влияния знойного климата южной Италии. Едва Баратынские прибыли в Неаполь, как с Анастасией Львовной сделался один из тех болезненных припадков (вероятно, нервных), которые причиняли столько беспокойства ее мужу и всем окружающим. Это так подействовало на Баратынского, что у него внезапно усилились головные боли, началась лихорадка, и на другой день, 29 июня (11 июля) 1844 года, он скоропостижно скончался. Смерть прервала его голос, может быть, именно «в высших звуках», ибо в «Пироскафе» (1844), открыто мажорном, «италийском», есть явно итоговые, но и устремленные в будущее строки:

Много земель я оставил за мною,
Вынес я много смятений душою
Радостей ложных, истинных зол,
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов,
Подняли якорь, надежды символ!
Из Неаполя тело поэта перевезли на родину и похоронили на Тихвинском кладбище в Александро-Невской лавре, неподалеку от баснописца Крылова, скончавшегося в том же году. На могиле поэта выбиты строки из его стихотворения:

Господи, да будет воля Твоя!
В смиренности сердца надо верить
И терпеливо ждать конца.
Его слова.

Анастасия Львовна Баратынская пережила мужа на 16 лет и умерла в 1860 году. Тогда же на Тихвинском кладбище были установлены два однотипных надгробия – гранитные стелы с барельефным портретом, выполненным скульптором В. П. Крейтаном. Однако первоначальный барельеф на могиле Баратынского не сохранился и в 1950 году был заменен новым (скульптор Н. В. Дыдыкин).

Яркий поэт, представитель пушкинской плеяды, Баратынский прожил короткую жизнь. Он оставил русской литературе три поэмы да три небольших сборника стихов (1827, 1835 и 1842). Суровый приговор Белинского, бесповоротно осудившего поэта за его отрицательные воззрения на «разум» и «науку», предопределил отношение к Баратынскому ближайших поколений. После смерти Баратынского Белинский, который имел много претензий к поэту, все-таки признавал: «Мыслящий человек всегда перечтет с удовольствием стихотворения Баратынского, потому что всегда найдет в них человека – предмет вечно интересный для человека».

Литературоведение второй половины XIX века считало Баратынского второстепенным, чересчур рассудочным автором. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона оценивает его так: «Как поэт, он почти совсем не поддается вдохновенному порыву творчества; как мыслитель, он лишён определённого, вполне и прочно сложившегося мирозерцания; в этих свойствах его поэзии и заключается причина, в силу которой она не производит сильного впечатления, несмотря на несомненные достоинства внешней формы и нередко – глубину содержания». Глубокосвоеобразная поэзия Баратынского была забыта в течение всего столетия, и только в самом его конце символисты, нашедшие в ней столь много родственных себе элементов, возобновили интерес к его творчеству, провозгласив его одним из трех величайших русских поэтов наряду с Пушкиным и Тютчевым.

Николай Карамзин
1766–1826

Прости
Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?

Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя!
Мучительно плениться,
Быть страстным одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.
Не знатен я, не славен
Могу ль кого прельстить?
Не весел, не забавен
За что меня любить?
Простое сердце, чувство
Для света ничего.
Там надобно искусство –
А я не знал его!
(Искусство величаться,
Искусство ловким быть,
Умнее всех казаться,
Приятно говорить.)
Не знал – и, ослепленный
Любовию своей,
Желал я, дерзновенный,
И сам любви твоей!
Я плакал, ты смеялась,
Шутила надо мной
Моею забавлялась
Сердечною тоской!
Надежды луч бледнеет
Теперь в душе моей...
Уже другой владеет
Навек рукой твоей!..
Будь счастлива – покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу – ввек мила!
Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез горючих,
Желать конца – прости!
1792

«Законы осуждают...»

Песня из повести «Остров Борнгольм»

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце, может
Противиться тебе?
Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?
Какая власть сильнее
Любви и красоты?
Люблю – любить ввек буду.
Кляните страсть мою,
Безжалостные души,
Жестокие сердца!
Священная Природа!
Твой нежный друг и сын
Невинен пред тобою.
Ты сердце мне дала;
Твои дары благие
Украсили ее
Природа! ты хотела,
Чтоб Лилу я любил!
Твой гром гремел над нами,
Но нас не поражал,
Когда мы наслаждались
В объятиях любви.
О Борнгольм, милый Борнгольм!
К тебе душа моя
Стремится беспрестанно;

Но тщетно слезы лью,
Томлюся и вздыхаю!
Навек я удален
Родительскою клятвой
От берегов твоих!
Еще ли ты, о Лила,
живешь в тоске своей?
Или в волнах шумящих
Скончала злую жизнь?
Явися мне, явися,
Любезнейшая тень!
Я сам в волнах шумящих
С тобою погребусь.
1793

К соловью
Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной ночи!
Глас твой мил душе моей.
Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?
Ах! я вспомнил незабвенных,
В недрах хладных земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травюю.
Я остался сиротою...
Я остался в горе жить,
Тосковать и слезы лить!..
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнию твоей?
С кем Природой утешаться?
Всё печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному –
Свет пустыня, мрак ему.
Скоро ль песнию своею,
О любезный соловей,
Над могилою моею
Будешь ты пленять людей?
1793

Странность любви, или бессонница
Кто для сердца всех страшнее?
Кто на свете всех милее?
Знаю: милая моя!
«Кто же милая твоя?» –
Я стыжусь; мне, право, больно
Странность чувств моих открыть
И предметом шуток быть.
Сердце в выборе не вольно!..
Что сказать? Она... она...
Ах! нимало не важна
И талантов за собою
Не имеет никаких;
Не блистает острою,
И движеньем глаз своих
Не умеет изъясняться;
Не умеет восхищаться
Аполлоновым огнем;
Философов не читает
И в невежестве своем
Всю ученость презирает.
Знайте также, что она
Не Венера красотою –
Так худа, бледна собою,

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Так эфирна и томна,
Что без жалости не можно
Бросить взора на нее.
Странно!.. я люблю ее!..
«Что ж такое думать должно?
Уверяют старики
(В этом деле знатоки),
Что любовь любовь рождает, –
Сердце нравится любя:
Может быть, она пленяет
Жаром чувств своих тебя;
Может быть, она на свете
Не имеет ничего
Для души своей в предмете,
Кроме сердца твоего?
Ах! любовь и страсть такая
Есть небесная, святая!
Ум блестящий, красота
Перед нею суета».
Нет!.. К чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вам, любезные друзья,
Что жестокая моя
Нежной, страстной не бывала
И с любовью на меня
Глаз своих не устремляла.
Нет в ее душе огня!
Тщетно пламенем пылаю –
В милом сердце лед, не кровь!
Так, как Эхо, иссыхаю –
Нет ответа на любовь!
Очарован я тобою,
Бог, играющий судьбою,
Бог коварный – Купидон!
Ядовитую стрелю
Ты лишил меня покою.
Как ужасен твой закон,
Мудрых мудрости лишая
И ученых кабинет
В жалкий Бедлам превращая,
Где безумие живет!
Счастлив, кто не знает страсти!
Счастлив хладный человек,
Не любивший весь свой век!..
Я завидую сей части
И с Титанией люблю
Всем насмешникам в забаву!..
По небесному уставу
Днем зеваю, ночь не сплю.

1793

Василий Жуковский

1783–1852

Цветок

Романс

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокий,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.
Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел –
От нас веселье отлетает.
Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.
Смотри... очарованья нет;
Звезда надежды угасает...

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

1811

Счастье во сне
Дорогой шла девица;
С ней друг ее молодой;
Болезненны их лица;
Наполнен взор тоской.
Друг друга лобызают
И в очи и в уста –
И снова расцветают
В них жизнь и красота.
Минутное веселье!
Двух колоколов звон:
Она проснулась в келье;
В тюрьме проснулся он.

1816

Песня

Кольцо души-девицы
Я в море уронил:
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.
Мне, дав его, сказала:
«Носи, не забывай;
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»
Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать?!
С тех пор мы как чужие,
Приду к ней – не глядит,
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит.
О, ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.
Вчера ей жалко стало,
Нашла меня в слезах,
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах.
Ко мне подседа с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла.
На что твоя мне ласка,
На что мне твой привет?
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет.
Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне – мое колечко
С надеждою моей.

1816

Воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

1821

Привидение

В тени дерев, при звуке струн, в сиянье
Вечерних гаснущих лучей,
Как первья любви очарованье,
Как прелесть первых юных дней –
Явилась она передо мною
В одежде белой, как туман;

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Воздушною лазурной пеленою
Был окружен воздушный стан;
Таинственно она ее свивала
И развивала над собой;
То, сняв ее, открытая стояла
С темнокудрявой головой;
То, вдруг всю ткань чудесно распустивши,
Как призрак исчезала в ней;
То, перст к устам и голову склонивши,
Огнем задумчивых очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдруг... покрывало подняла...
Трижды им куда-то поманила...
И скрылася... как не была!
Вотще продлить хотелось упоенье...
Не возвратилась она;
Лишь грустию по милом привиденье
Душа осталась полна.

1823

«Я музу юную, бывало...»
Я музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На всё земное наводило
Животворящий луч оно –
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия одно.
Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?
Но всё, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Всё, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил –
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!
Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

1824

Приход весны
Зелень нивы, рожи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Теплый дождь, сверканье вод
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

1831

Денис Давыдов
1784–1839

Мудрость
Анакреонтическая ода
Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По бокалу осушали

И просили Мудрость вон.
«Детушки, поберегитесь! –
Говорила Мудрость нам. –
Пить не должно; воздержитесь:
Этот сок опасен вам».
«Бабушка! – сказал плутишка. –
Твой совет законом мне.
Я – послушливый мальчишка,
Но... вот капелька тебе
Выпей!» – Бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Как откажешь? Бог прекрасной
Так искусен говорить.
Выпила и нам твердила
О воздержности в вине;
Еще выпив, попросила,
Что осталось на дне.
И старушка зашаталась,
Не нашедши больше слов;
Зашатавшись, спотыкалась,
Опираясь на любовь.
1807

Племяннице
Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе,
Который, с неба прилетая
С венцом блаженства на главе,
Принес в мое уединенье
Утехи, счастье жизни сей
И сладкой радости волненье
Сильней открыл в душе моей!
Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе!
Ах! как нам праздник сей приятен,
Он мил домашним и друзьям.
Хоть не роскошен и не знатен,
Зато в нем места нет льстецам.
Тебя здесь Дружба – угощает,
Веселость – на здоровье пьет,
Родство – с восторгом обнимает,
А Искренность – сей стих поет!
Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе!
Но если счастием картины
Твое я сердце не прельстил,
Коль праздник сей тебе не мил,
Ты в этом первая причина!
Никто от радости рассудка не имел,
Ты только на себя вниманье обратила,
Я угостить тебя хотел,
А ты собой нас угостила!
Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе!
Между 1809 и 1811

В альбом
На вьюке, в тороках, цевницу я таскаю,
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!
1811

Поэтическая женщина
Что она? – Порыв, смятенье,
И холодность, и восторг,
И отпор, и увлечение,

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Смех и слезы, черт и Бог,
Пыл полуденного лета,
Урагана красота,
Исступленного поэта
Беспокойная мечта!
С нею дружба – упоенье..
Но спаси, Создатель, с ней
От любовного сношенья
И таинственных связей!
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Как законная жена!

1816

Вольный перевод из Парни
Сижу на берегу потока,
Бор дремлет в сумраке; всё спит вокруг, а я
Сижу на берегу – и мыслю далеко,
Там, там... где жизнь моя!..
И меч в руке моей мутит струи потока.
Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив..
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив – но я жив..
И меч в руке моей мутит струи потока.
Сижу на берегу потока..
Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг..
И точно ль он любим? – ах, эта мысль жестока!..
Кипит отмщеньем дух,
И меч в руке моей мутит струи потока.

1817

Элегия VIII

О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокой,
Зачем скользит небережно покров
С плеч белых и с груди высокой?
О, пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею;
Но ты вошла... и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы..
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы.

1817

Богомолка

Кто знает нашу богомолку,
Тот с ней узнал наедине,
Что взор плутовки втихомолку
Поет акафист сатане.
Как сладко с ней играть глазами,
Ниц падая перед крестом,
И окаянными словами
Перерывать ее псалом!
О, как люблю ее ворчанье:
На языке ее всегда
Отказ идет как обещанье –
«Нет» на словах, на деле «да».
И, грешница, всегда сначала
Она завопит горячо:
«О, варвар! изверг! я пропала!»,
А после: «Милый друг, еще...»
Конец 1810-х – начало 1820-х

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Романс (Не пробуждай, не пробуждай)

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!
Не повторяй мне имя той,
Которой память – мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.
Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.
Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

1834

«Я вас люблю так, как любить вас должно...»
Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетней городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
Я вас люблю не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошествуют и взор Востоком пышет,
Что вы – поэзия от ног до головы!
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...
Я вас люблю затем, что это – вы!
На право вас любить не прибегу к пашпорту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и убираться к черту!

1834

Романс (Жестокий друг, за что мученье?)

Жестокий друг, за что мученье?
Зачем приманка милых слов?
Зачем в глазах твоих любовь,
А в сердце гнев и нетерпенье?
Но будь покойна только ты,
А я, на горе обреченный,
Я оставляю все мечты
Моей души развороженной...
И этот край очарованья,
Где столько был судьбой гоним,
Где я любил, не быв любим,
Где я страдал без состраданья,
Где так жестоко испытал
Неверность клятв и обещаний
И где никто не понимал
Моей души глухих рыданий!

1834–1835

«Я помню – глубоко...»

Я помню – глубоко,
Глубоко мой взор,
Как луч, проникал и рощи, и бор,
И степь обнимал широко, широко...
Но, зоркие очи,
Потухли и вы...
Я выглядел вас на деву любви,
Я выплакал вас в бессонные ночи!

1836

Константин Батюшков

1787–1855

«Ах! чем красавицу мне должно...»

Ах! чем красавицу мне должно,

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Как не цветочком, подарить?
Ее, без всякой лести, можно
С приятной розою сравнить.
Что розы может быть славнее?
Ее Анакреон воспел.
Что розы может быть милее?
Амур из роз венки имел.
Ах, мне ль твердить, что вянут розы,
Что мигом их краса пройдет,
Что, лишь появятся морозы,
Листок душистый опадет.
Но что же, милая, и вечно
В печальном мире сем цветет?
Не только розы скоротечно,
И жизнь – увы! – и жизнь пройдет.
Но грации пока толпою
Тебе, Мальвина, вслед идут,
Пока они еще с тобою
Играют, пляшут и поют,
Пусть розы нежные гордятся
На лилиях груди твоей!
Ах, смею ль, милая, признаться?
Я розой умер бы на ней.

1805

Выздоровление

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочтанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали –
От Орковых полей, от Леты берегов –
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь: она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

1807

«Пафоса бог, Эрот прекрасный...»
Пафоса бог, Эрот прекрасный
На розе бабочку поймал
И, улыбаясь, у несчастной
Златые крылья оборвал.
«К чему ты мучишь так, жестокий?» –
Спросил я мальчика сквозь слез.
«Даю красавицам уроки»
Сказал – и в облаках исчез.

1809

В День рождения N
О ты, которая была
Утех и радостей душою!
Как роза некогда цвела
Небесной красотой;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Без песней, без похвал встречаешь день рожденья –
Прими от дружества сердечны сожаленья,
Прими и сердце успокой.
Что потеряла ты? Льстецов бездушный рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравов,

Судей безжалостных, докучливых нахалов.
Один был нежный друг... и он еще с тобой!
1810

На смерть Лауры
из Петrarки[1]

Колонна гордая! о лавр вечнозеленый!
Ты пал! – и я навек лишен твоих прохлад!
Ни там, где Инд живет, лучами опаленный,
Ни в хладном Севере для сердца нет отрад!
Всё смерть похитила, всё алчная пожрала –
Сокровище души, покой и радость с ним!
А ты, земля, вовек корысть не возвращала,
И мертвый нем лежит под камнем гробовым!
Всё тщетно пред тобой – и власть, и волхованья...
Таков судьбы завет!.. Почто ж мне доле жить?
Увы, чтоб повторять в час полночи рыданья
И слезы вечные на хладный камень лить!
Как сладко, жизнь, твое для смертных обольщенье!
Я в будущем мое блаженство основал,
Там пристань видел я, покой и утешенье –
И всё с Лаурою в минуту потерял!
1810

Разлука

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:
«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!
Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила
Чего страшиться мне?
Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!
Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой,
Уздечка браная порвисся
И стремя под ногой!
Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»
Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался
И честь гусара с ним!
А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.
Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам – игрушка,
А клятвы их – слова!
Всё здесь, друзья! изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелю на воде.
Между 1812 и 1813
«Рыдайте, амур и нежные грации...»
Рыдайте, амур и нежные грации,
У нимфы моей на личике нежном

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Розы поблекли и вянут все прелести.

Венера всемогущая! Дочь Юпитера!

Услышь моленья и жертвы усердные:

Не погуби на тебя столь похожую!

1810

О парижских женщинах

Пред ними истощает

Любовь златой колчан.

Всё в них обворажает:

Походка, легкий стан,

Полунагие руки

И полный неги взор,

И уст волшебны звуки,

И страстный разговор

Всё в них очарованье!

А ножка... милый друг,

Она – харит созданье,

Кипридиных подруг.

Для ножки сей, о вечны боги,

Усейте розами дороги

Иль пухом лебедей!

Сам Фидий перед ней

В восторге утопает,

Поэт – на небесах,

И труженик в слезах

Молитву забывает!

1814

Вакханка

Все на праздник Эригоны

Жрицы Вакховы текли;

Ветры с шумом разнесли

Громкий вой их, плеск и стоны.

В чаще дикой и глухой

Нимфа юная отстала;

Я за ней – она бежала

Легче серны молодой.

Эвры волосы взвивали,

Перевитые плющом;

Нагло ризы поднимали

И свивали их клубком.

Стройный стан, кругом обвитый

Хмеля желтого венцом,

И пылающи ланиты

Розы ярким багрецом

И уста, в которых тает

Пурпуровый виноград

Всё в неистовой прельщает!

В сердце льет огонь и яд!

Я за ней... она бежала

Легче серны молодой;

Я настиг – она упала!

И тимпан под головой!

Жрицы Вакховы промчались

С громким воплем мимо нас;

И по роце раздавались

Эвэ! и неги глас!

1815

Петр Плетнев

1791–1866

К музе

Много дней мимотекущих

С любопытством я встречал;

Долго сердцем в днях грядущих

Небывалого я ждал.

Годы легкие кружили

Колесом их предо мной:

С быстротой они всходили

И скрывались чередой.

Что всходило – было прежде
И по-прежнему текло,
Не ласкалось к надежде
И за край знакомый шло.
И протекшее с грядущим
(Не делила их и тень!)
Видел я в мимотекущем
Как один туманный день.
Половины дней не стало;
Новый путь передо мной;
Солнце жизни просияло
Мир явился мне иной.
Красотой плененный света,
Обживаю будто вновь:
К вам, утраченные лета,
В сердце жалость и Любовь!
Возвратил бы вас обратно;
Порознь обнял бы опять!
О, как сердцу бы приятно
Вам теперь себя отдать!
Кто ж, души моей хранитель,
Победивший тяжкий рок,
И веселья пробудитель,
В радость жизнь мою облек?
Муза! ты мой путь презренный
С гордостью не обошла
И судьбе моей забвенной
Руку верную дала.
Будь до гроба мой вожатый!
Оживи мои мечты
И на горькие утраты
Брось последние цветы!
1822

С. М. С-ой.

Сонет

Была пора: ты в безмятежной сени
Как лилия душистая цвела,
И твоего веселого чела
Не омрачал задумчивости гений.
Пора надежд и новых наслаждений
Невидимо под сень твою пришла
И в новый край неволью увлекла
Тебя от игр и снов невинной лени.
Но ясный взор и голос твой и вид, –
Все первых лет хранит очарованье,
Как светлое о прошлом вспоминанье,
Когда с душой оно заговорит –
И в нас опять внезапно пробудит
Минувших благ уснувшее желанье.
1826

Идеал

Благословляю сень дубров,
Мою деревню, сад и поле!
Небеден я, живу на воле,
Не знаю тягостных трудов;
Есть полка книг, гряда цветов,
Пишу стихи: чего ж мне боле!
1826

Объяснение

Я мрачен, дик, людей бегу,
Хотел бы иногда их видеть;
Но я не должен, не могу
Боюсь друзей возненавидеть.
Не смею никого обнять,
На чьей-нибудь забытья груди;
Мне тяжело вспоминать,
Мне страшно думать: это люди.
1826

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Петр Вяземский
1792–1878

«В каких лесах, в какой долине...»

В каких лесах, в какой долине,
В часы вечерней тишины,
Задумчиво ты бродишь ныне
Под светлым сумраком луны?
Кто сердце мыслью потаенной,
Кто прелестью твоей мечты?
Кого на одр уединенный
С зарею призываешь ты?
Чей голос слышишь ты в журчанье
Ручья, бегущего с холмов,
В таинственном лесов молчанье,
В шептаньи легких ветерков?
Кто первым чувством пробужденья,
Последней тайной перед сном?
Чье имя беглый след смущенья
Наводит на лице твоём?
Кто и в отсутствии далеко
Присутствен сердцу одному?
Кого в борьбе с жестоким роком
Зовешь к спасенью своему?
Чей образ на душе остыл
Погаснет с пламенем в крови,
С последней жизненной силой,
С последней ласкою любви?

1819

Запретная роза

Прелестный цвет, душистый, ненаглядный,
Московских роз царица и краса!
Вотще тебя свежит зефир прохладный,
Заря златит и серебрит роса.
Судьбою злой гонимая жестоко,
Свой красный день ты тратишь одиноко,
Ты про себя таишь дары свои:
Румянец свой, и мед, и запах сладкой,
И с завистью пчела любви, украдкой,
Глядит на цвет, запретный для любви.
Тебя, цветок, коварством бескорыстным
Похитил шмель, пчеле и розе враг;
Он оскорбил лобзаньем ненавистным,
Он погубил весну надежд и благ.
Счастлив, кто, сняв с цветка запрет враждебный,
Кто, возвратив ее пчеле любви,
Ей скажет: цвет прелестный! цвет волшебный!
Познай весну и к счастью оживи!

1926

Черные очи

Южные звезды! Черные очи!
Неба чужого огни!
Вас ли встречают взоры мои
На небе хладном бледной полночи?
Юга созвездье! Сердца зенит!
Сердце, любуясь вами,
Южною негой, южными снами
Бьется, томится, кипит.
Тайным восторгом сердце объято,
В вашем сгорая огне;
Звуков Петрарки, песней Торквато
Ищешь в немой глубине.
Тщетны порывы! Глухи напевы!
В сердце нет песней, увы!
Южные очи северной девы,
Нежных и страстных, как вы!

1828

Ты светлая звезда

Ты светлая звезда таинственного мира,

Куда я возношусь из тесноты земной,
Где ждет меня тобой настроенная лира,
Где ждут меня мечты, согретые тобой.
Ты облако мое, которым день мой мрачен,
Когда задумчиво я мыслю о тебе,
Иль измеряю путь, который нам назначен,
И где судьба моя чужда твоей судьбе.
Ты тихий сумрак мой, которым грудь свежает,
Когда на западе заботливого дня
Мой отдыхает ум и сердце вечереет,
И тени смертные снисходят на меня.

1837

Любить. Молиться. Петь
Любить. Молиться. Петь. Святое назначение
Души, тоскующей в изгнании своем,
Святого таинства земное выражение,
Предчувствие и скорбь о чем-то неземном,
Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь;
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!
Счастлив, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда с любовью и мольбой
И песни внутренней был арфою живой!

1839

«За милой встречей вслед на жизненном пути...»
За милой встречей вслед на жизненном пути
Как часто близок день утрат и расставанья.
И там, где молодость воскликнет: до свиданья!
Там старость говорит печальное прости.

1852

«Моя вечерняя звезда...»
Моя вечерняя звезда,
Моя последняя любовь!
На потемневшие года
Приветный луч пролей ты вновь!
Средь юных, невоздержных лет
Мы любим блеск и пыл огня;
Но полурадость, полусвет
Теперь отрадней для меня.

1855

«Мне не к лицу шутить, не по душе смеяться...»
Мне не к лицу шутить, не по душе смеяться,
Остаться должен я при немощи своей.
Зачем, отжившему, живым мне притворяться?
Болезненный мой смех всех слез моих грустней.

1870

Кондратий Рылеев

1795–1826

Мотылек

Что ты вокруг огня порхаешь,
Мотылек мой дорогой?
Или, бедненький, не знаешь,
Что огонь губитель твой?
Иль тебе то неизвестно,
Сколь обманчив блеск огня,
И что свет его прелестный
Может погубить тебя?
Лети прочь! лети, несчастный!
Вкруг огня ты не порхай!
Бойся, бойся повсечасно,
Не сгореть чтоб невзначай!
Но не внемлет безрассудный!
Ближе, ближе всё летит!
Его блеск прелестный, чудный,
Несчастливец! тебе льстит.
Но напрасно, всё порхает!

И вот – прямо в огонек
Он влетел... и в нем сгорает!
Знать, судил ему так рок!
Так, увы! и я, плененный,
Предаюсь любви своей
И мечтаю, дерзновенный,
Найти счастье свое в ней!
Но быть может, заблуждаться
Мне судил жестокий рок,
И так точно, может случиться,
Я сгорю – как мотылек!

1817

К ней

Ах! Когда-то совершится,
То, чем льстит надежды глас?
Долго ль сердце будет биться
В ожиданьи каждый час?
Скоро ль, скоро ль перестанет
Оно рваться из меня?
Скоро ль время то настанет,
Когда будешь ты моя?

1817 или 1818

Резвой Наташе

Наташа, Наташа! полно резвиться
И всюду бабочкой легкой порхать,
С роем любезных подружек кружиться
И беспрестанно прыгать, играть.
Всею есть, мой ангел, час свой! кто хочет
С счастьем в мире и дружестве жить,
Тот вовремя шутит, пляшет, хохочет,
Вовремя трудится, вовремя спит.
Если ты разнообразить не будешь,
Вечное тоже наскучит тебе;
Ах, тогда прыгать, резвиться забудешь
И позавидуешь многим в судьбе!
Если ж желаешь иметь ты веселье
Спутником вечным, – то вот мой совет:
Искусно мешай между делом безделье,
Но не порхай лишь на поле сует!

1817 или 1818

Акростих

Нет тебя милей на свете,
Ангел несравненный мой!
Ты милее в юном цвете
Алой розы весноюй.
Легче с жизнью разлучиться
И всё в свете позабыть,
Я клянусь в том, чем решиться
Тебя, друг мой, не любить.
Есть на свете милых много,
Верь, что нет тебя милей;
Я давно прошу у Бога –
Шутки в сторону, ей-ей! –
Одного лишь в утешенье:
Вечно, вечно быть с тобой!
Ах, свершится ли моление,
Скоро ли я буду твой?

1818

Нечаянное счастье

Подражание грекам

О радость, о восторг!.. Я Лилу молодую
Вчера нечаянно узрел полунагую!
Какое зрелище отрадное очам!
Власы волнистые небрежно распущенны
По алебастровым плечам,
И перси девственны, и ноги обнаженны,
И стройный, тонкий стан под дымкою одной,
И полные огня пленительные очи,

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

И всё, и всё – в часы глубокой ночи,
При ясном свете ламп, в обители немой!
Дыханья перевесть не смея в изумленьи,
На прелести ее в безмолвии взирал –
И сердце юное пылало в восхищеньи;
В восторгах таял я, и млел, и трепетал,
И взоры жадные сквозь дымку устремлял!
Но что я чувствовал, когда младая Лиля,
Увидев в храмине меня между столпов,
Вдруг в страхе вскрикнула и руки опустила –
И с тайных прелестей последний спал покров.

1820 или 1821

Романс (как счастлив я, когда сию с тобою)
Как счастлив я, когда сию с тобою,
Когда люблюся я, глядя на тебя,
Твоею милою, любезной красотою..
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда ты, друг мой милый,
Свой голос с звуками гитары соедини,
Поешь иль песенку, или романс унылый
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда умильным взором,
Прелестный, милый друг, ты подаришь меня
Иль обратишься вдруг ко мне ты с разговором
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда ты понимаешь
Из взора моего, сколь я люблю тебя,
Когда мне ласками на ласки отвечаешь,
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда своей рукою
Ты тихо жмешь мою и, глядя на меня,
Твердишь вполголоса, что счастлива ты мною
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда вдруг осторожно,
Украдкой ото всех целуешь ты меня.
Ах, смертному едва ль так счастливым быть можно
Как счастлив я!

1819 или 1820

Счастливая перемена
Свершилось наконец! Я Лидой обладаю
И за протекшие страдания мои
В награду пламенной любви
Теперь в восторгах утопаю!
Вчера, еще вчера, суровый бросив взгляд,
Надежды Лидинька навек меня лишила
И в сердце юном породила
Любви пренебреженной ад!
В отчаяньи, в тоске, печальный и угрюмый,
В уединение свое я прибежал;
В уме рождались мрачны думы,
Я то немел, то трепетал...

Вдруг слышу милый глас... и зрю перед собою
Младую Лидиньку вечернею порою,
В слезах раскаянья, с любовью в очах,
С улыбкой горестной на розовых устах!

«Прости, что я не доверяла,
Мой милый друг! любви твоей;
Но ныне я тебя узнала,
И предаюсь взаимно ей».

И с сими нежными словами
Вдруг бросилась в мои объятия она
И, страсти пламенной полна,
К моим устам касалась устами;
Огонь любви в очах ее пылал!
В восторгах страстных я и млел, и трепетал,
И Лиду прижимал
К трепещущей груди дрожащими руками!..

1820

Жестокой
Смотри, о Делия, как вянет сей цветочек;
С какой свирепостью со стебелька
Вслед за листочком рвет листочек
Суровой осени рука!
Ах! скоро, скоро он красы своей лишится,
Не станет более благоухать;
Последний скоро лист свалится,
Зефир не будет с ним играть.
Угрюмый Аквилон нагонит тучи мрачны,
В уныние природу приведет,
Оденет снегом доли злачны
Твой взор и стебля не найдет...
Так точно, Делия, дни жизни скоротечной
Умчит Сатурн завистливый и злой
И блага юности беспечной
Ссечет губительной косой...
Всё изменяется под дланью Крона холодной
Остынет младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
Под старость к злу родит любовь!
Тогда, жестокая, познаешь, как ужасно
Любовью тщетною в душе пылать
И на очах не пламень страстный,
Но хлад презрения встречать.

1821

Элегии

1

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.
Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.
Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает – ночью холодной
Полузавялый василек.

2

Покинь меня, мой юный друг
Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг,
И знаю я, как он ужасен...
Но что, безумный, я сказал?
К чему укоры и упреки?
Уж я твой узник, друг жестокий,
Твой взор меня очаровал.
Я увлечен своей судьбою,
Я сам к погибели бегу.
Боюсь встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

1824 или 1825

К N.N.

Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой,
Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой.
Твой голос нежный, взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.
Сие отрадное участие,
Сие вниманье, милый друг,
Мне снова возвратили счастье
И исцелили мой недуг.
С одра недуга рокового

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Я встал и бодр и весел вновь,
И в сердце запылала снова
К тебе давнишняя любовь.
Так мотылек, порхая в поле
И крылья опалив огнем,
Опять стремится поневоле
К костру, в безумии слепом.

1824 или 1825

Вильгельм Кюхельбекер
1797–1846

Разуверение

Не мани меня, надежда,
Не прельщай меня, мечта!
Уж нельзя мне всей душою
Вдаться в сладостный обман:
Уж унесся предо мною
С жизни жизненный туман!
Неожиданная встреча
С сердцем, любящим меня
Мне ль тобою восхищаться,
Мне ль противиться судьбе? –
Я боюсь тебе вверяться!
Я не радуюсь тебе!
Надо мною тяготеет
Клятва друга первых лет! –
Юношей связали музы,
Радость, молодость, любовь –
Я расторг святыя узы!
Он в толпе моих врагов!
«Ни любовницы, ни друга
Не иметь тебе вовек!» –
Молвил гневом вдохновенный
И пропал мне из очей –
С той поры уединенный
Я скитаюсь меж людей!
Раз еще я видел счастье,
Видел на глазах слезу,
Видел нежное участие,
Видел – но прости, певец!
Уж предвижу я ненастье:
Для меня ль союз сердец?
Что же роковая пуля
Не прервала дней моих?
Что ж для нового изгнанья
Не ведут ко мне коня?
В тихой тьме воспоминанья
Ты б не разлюбил меня!

1821

К А. Т. Пушкиной

Цветок увядший оживает
От чистой, утренней росы;
Для жизни душу воскрешает
Взор тихой, девственной красы.
Когда твои подернет щеки
Румянец быстрый и живой
Мне слышны милые упреки,
Слова стыдливости немой,
И я, отринув ложь и холод,
Я снова счастлив, снова молод,
Гляжу: невинности святой
Прекрасный ангел предо мной!

1823 или 1824

Луна

Тебя ли вижу из окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье Божией десницы?
Прими же скорбный мой привет,

Ночное мирное светило!
Отраден мне твой тихий свет:
Ты мне всю душу озарило.
Так! может быть, не только я,
Страдалец, узник в мраке ночи
Быть может, и мои друзья
К тебе теперь поднимают очи!
Быть может, вспомнят обо мне;
Заснут; с молитвою, с любовью
Мой призрак в их счастливом сне
Слетит к родному изголовью,
Благословит их... Но когда
На своде неба запыляет
Передрагасветная звезда
Мой образ, будто пар, растает.
1828

Любовь
Податель счастья и мученья,
Тебя ли я встречаю вновь?
И даже в мраке заточенья
Ты обрела меня, любовь!
Увы! почто твои приветы?
К чему улыбка мне твоя?
Твоим светилом ли согретый
Воскресну вновь для жизни я?
Нет! минула пора мечтаний,
Пора надежды и любви:
От мраза лютого страданий
Хладеет ток моей крови.
Для узника ли взоров страстных
Восторг, и блеск, и темнота? –
Погаснет луч в парах ненастных:
Забудь страдальца, красота!
1829

Марии Николаевне Волхонской
Людская речь пустой и лицемерный звук,
И душу высказать не может ложь искусства:
Безмолвный взор, пожатые рук –
Вот переводчики избытка дум и чувства.
Но я минутный гость в дому моих друзей,
А в глубине души моей
Одно живет прекрасное желанье:
Оставить я хочу друзьям воспоминанье,
Залог, что тот же я,
Что вас достоин я, друзья...
Клянуся ангелом, который
Святая, путеводная звезда
Всей вашей жизни: на восток, сюда,
К ней стану обращать трепещущие взоры
Среди житейских и сердечных бурь
И прояснится вдруг моя лазурь,
И дивное сойдет мне в перси утешенье,
И силу мне подаст, и гордое терпенье.
1845

Сонет
«Опомнись! долго ли? приди в себя и встань
За искру малую чуть тлеющей веры,
Я милосерд к тебе был без цены и меры,
К тебе и день и ночь протягивал я длань...
Не думаешь вступать с самим собою в брань;
Не подняли тебя бойцов моих примеры
Ты спишь под лживые стихов своих размеры,
Приносишь ты и мне, но и Ваалу дань.
Чтоб разлучить тебя с греховной суетою,
Чтоб духу дать прозреть, я плоть поверг во тьму,
Я посетил тебя телесной слепотою».
Он рек – и внемлю я владыке своему...
О, да служу умом, и чувством, и мечтою,

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

И песнями души единому ему!

1846

Антон Дельвиг

1798–1831

Первая встреча

Мне минуло шестнадцать лет,

Но сердце было в воле;

Я думала: весь белый свет –

Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:

Кто он? отколь? не знаю –

Но всё меня к нему влекло,

Всё мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы

Вкруг шеи обвивались,

Как мак сияет от росы,

Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его

Мне что-то изъясняли;

Мы не сказали ничего,

Но уж друг друга знали.

Куда пойду – и он за мной.

На долгую ль разлуку?

Не знаю! только он с тоской

Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? – спросила я. –

Скажи, пастух унылый».

И с жаром обнял он меня

И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!

Но рук не поднимала,

На перси потупила взгляд,

Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;

За что ж ему сердиться?

Зачем покинул он меня?

И скоро ль возвратится?

1814

Тихая жизнь

Блажен, кто за рубеж наследственных полей

Ногою не шагнет, мечтой не унесется;

Кто с доброй совестью и с милою своею

Как весело заснет, так весело проснется;

Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой

И мягкую волну с своих овец собирает,

И для кого свой дуб в огне горит зимой,

И сон прохладю в день летний навевает.

Спокойно целый век проводит он в трудах,

Полета быстрого часов не примечая,

И смерть к нему придет с улыбкой на устах,

Как лучших, новых дней пророчица благая.

Так жизнь и Дельвигу тихонько провести.

Умру – и скоро все забудут о поэте!

Что нужды? Я блажен, я мог себе найти

В безвестности покой и счастье в Лилете!

1814

Любовь

Что есть любовь? Несвязный сон.

Сцепление очарований!

И ты в объятиях мечтаний

То издаешь унылый стон,

То дремлешь в сладком упоенье,

Кидаешь руки за мечтой

И оставляешь сновиденье

С больной, тяжелой головой.

1816

Русская песня (Ах ты, ночь ли)

Ах ты, ночь ли,

Ноченька!
Ах ты, ночь ли,
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Всё темнеешь
Тучами?
И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,
Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там глубоко
На сердце –
Позабудешь
Девичам
Усмехаться,
Кланяться;
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодец,
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!

1820 или 1821

Луна

Я вечером с трубкой сидел у окна;
Печально глядела в окошко луна;
Я слышал: потоки шумели вдали;
Я видел: на холмы туманы легли.
В душе замутилось, я дико вздрогнул:
Я прошлое живо душой вспомянул!
В серебряном блеске вечерних лучей
Явилась мне Лиля, веселье очей.
Как прежде, шепнула коварная мне:
«Быть вечно твоею клянуся луне».
Как прежде, за тучи луна уплыла,
И нас разлучила неверная мгла.
Из трубки я выдул сгоревший табак.
Вздохнул и на брови надвинул колпак.

1822

Сонет (Я плыл один с прекрасною в гондоле)
Я плыл один с прекрасною в гондоле,
Я не сводил с нее моих очей;
Я говорил в раздумье сладком с ней
Лишь о любви, лишь о моей неволе.
Брега цвели, пестрело жатвой поле,
С лугов бежал лепечущий ручей,
Всё нежилось. – Почто ж в душе моей

Не радости, унынья было боле?
Что мне шептал ревнивый сердца глас?
Чего еще душе моей страшиться?
Иль всем моим надеждам не свершиться?
Иль и любовь польстила мне на час?
И мой удел, не осушая глаз,
Как сей поток, с роптанием сокрыться?
1822

Романс (Не говори: любовь пройдет)
Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность упоает,
Ей в жертву счастье отдает.
Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.
За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?
Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.
1823

Романс (Прекрасный день, счастливый день)
Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень –
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью всё кипит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.
Что въешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.
1823

Разочарование
Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.
К ней сны молодые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.
Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провести
И в край, для горестных не дальный,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенести.
1824

Русская песня (Соловей мой, соловей)
Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночь пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,

Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у молодой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце маленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимнюю ночь на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.
1825

Эпилог

Так певал без принужденья,
Как на ветке соловей,
Я живые впечатленья
Полной юности моей.
Счастлив другом, милой девы
Всё искал душою я.
И любви моей напевы
Долго кликали тебя.
1828

Слезы любви

Сладкие слезы первой любви, как росы,
вы иссохли!
– Нет! на бессмертных цветах в светлом раю
мы блестим.
1829

«За что, за что ты отравила...»
За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»
И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.
Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.
И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.
1829 или 1830

Евгений Баратынский
1800–1844

«Тебе на память в книге сей...»
Тебе на память в книге сей
Стихи пишу я с думой смутной.
Увы! в обители твоей
я, может статься, гость минутный!
С изнемогающей душой,
На неизвестную разлуку
Не раз трепещущей рукой
Друзьям своим сжимал я руку.

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Ты помнишь милую страну,
Где жизнь и радость мы узнали,
Где зрели первую весну,
Где первой страстию пылали?
Покинул я предел родной!
Так и с тобою, друг мой милый,
Здесь проведу я день, другой,
И, как узнать? в стране чужой
Окончу я мой век унылый.
А ты придешь в дом отцов,
А ты узришь поля родные
И прошлых счастливых годов
Вспомнешь были золотые.
Но где товарищ, где поэт,
Тобой с младенчества любимый?
Он совершил любви завет,
Судьбы, враждебной с юных лет
И до конца непримиримой!
Когда ж стихи мои найдешь,
Где складу нет, но чувство живо,
Ты их задумчиво прочтешь.
Глаза потупишь молчаливо...
И тихо лист перевернешь.

1819

К Алине

Тебя я некогда любил,
И ты любить не запрещала;
Но я дитя в то время был –
Ты в утро дней едва вступала.
Тогда любим я был тобой,
И в дни невинности беспечной
Алине с детской простотой
Я клятву дал уж в страсти вечной.
Тебя ль, Алина, вижу вновь?
Твой голос стал еще приятней;
Сильнее взор волнует кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятней;
Блестящих на груди лилей
Все прелести соединились,
И чувства прежние живей
В душе моей возобновились.
Алина! чрез двенадцать лет
Всё тот же сердцем, ныне снова
Я повторяю свой обет.
Ужель не скажешь ты полслова?
Прелестный друг! чему ни быть,
Обет сей будет свято чтимым.
Ах! я могу еще любить,
Хотя не льщусь уж быть любимым.

1819

Ропот

Он близок, близок день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?
Не мне роптать; но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Всё мнится, счастлив я ошибкой
И не к лицу веселье мне.

1820

Весна

Мечты волшебные, вы скрылись от очей!

Сбылися времени угрозы!
Хладеет в сердце жизнь, и юности моей
Поблекли утренние розы!
Благоуханный Май воскреснул на лугах,
И пробудилась Филомела,
И флора милая, на радужных крылах,
К нам обновленная слетела.
Вотще! Не для меня долины и леса
Одушевились красотой,
и светлой радостью сияют небеса!
Я вяну вянет всё со мною!
О, где вы, призраки невозвратимых лет,
Богатство жизни – вера в счастье?
Где ты, младого дня пленительный рассвет?
Где ты, живое сладострастье?
В дыхании весны всё жизнь младую пьет
И негу тайного желанья!
Всё дышит радостью и, мнится, с кем-то ждет
Обетованного свиданья!
Лишь я как будто чужд природе и весне:
Часы крылатые мелькают,
Но радости принести они не могут мне
И, мнится, мимо пролетают.

1820

Разлука

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

1820

«Приманкой ласковых речей...»
Приманкой ласковых речей
Вам не лишит меня рассудка!
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить – плохая шутка!
Вам не нужна любовь моя,
Не слишком заняты вы мною,
Не нежность – прихоть вашу я
Признаньем страстным успокою.
Вам дорог я, твердите вы,
Но лишний пленник вам дороже;
Вам очень мил я, но, увы!
Вам и другие милы тоже.
С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

1821

Разуверение

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье,
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

А не любовь пробудишь ты.

1821

Новинское

А. С. Пушкину

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей легкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви – для вдохновенья.

1826, 1841

«Всегда и в пурпуре и в злате...»

Всегда и в пурпуре и в злате,
В красе негаснущих страстей,
Ты не вздыхаешь об утрате
Какой-то младости твоей.
И юных граций ты прелестней!
И твой закат пышней, чем день!
Ты сладострастней, ты телесней
Живых, блистательная тень!

1840

Николай Языков

1803–1846

Элегия

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай –
Минувших дней воспоминанье.
Прошел, прошел их милый сон,
Но всё душа за ним стремится
И ждет: быть может, снова он
Хотя однажды ей приснится...
Так путник в ранние часы,
Застигнут ужасами бури,
С надеждой смотрит на красы
Где-где светлеющей лазури!

1824

Элегия

Зачем божественной хариты
В ней расцветает красота?
Зачем так пурпурны ланиты?
Зачем так сладостны уста?
Она в душе не пробуждает
Святых желаний, светлых дум;
При ней безумье не скучает
И пламенный хладеет ум.
Стихов гармония живая
Невнятно, дико ей звучит:
Она очами не сверкая
Поэта имя говорит.
Кто хочет, жди ее награды...
Но, гордый славою своей,
Поэт не склонит перед ней
Свои возвышенные взгляды!
Так след убогого челна
Струя бессильная лобзает,
Когда могучая волна
Через него перелетает.

1824

А. А. Воейковой

На петербургскую дорогу
С надеждой милою смотрю
И путешественников богу
Свои молитвы говорю:
Пускай от холода и вора

Он днем и ночью вас хранит;
Пускай пленительного взора
Вьюга лихая не гневит!
Пускай зима крутые враги
Засыплет бисером своим,
И кони, полные отваги,
По гладким долам снеговым,
Под голубыми небесами,
Быстрее поэтовой мечты,
Служа богине красоты,
Летят с уютными санями...
Клянусь моими божествами:
я непритворно вас зову!
Уж долго грешными стихами
я занимал свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Певцу, молящемуся вам,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтам.
Приму с улыбкой ваши узы;
Не буду петь моих проказ:
я, видя вас любимец музыки,
я только трубадур без вас.

1825

С. С. Тепловой

Я знаю вас: молодые ваши лета
Счастливою звездой озарены;
Вы любите великий мир поэта
И гармонические сны;
Вам весело им вовсе предаваться,
Их обновлять роскошней и полней,
И медленно и долго забываться
В обманах памяти своей;
Вы знаете, как в хоры сладкогласны
Созвучные сливаются слова,
И чем они могучи и прекрасны,
И чем поэзия жива;
Умеете вы мыслию своею
Чужую мысль далеко увлекать
И, праведно господствуя над нею,
Ее смирать и возвышать;
Я знаю вас; но этими стихами
Приносится вам жертва не моя;
я чувствую, смутился б я пред вами:
душой и сердцем робок я;
Но пламенно я музу обожаю,
Доступен мне возвышенный Парнас,
И наизусть лишь то вам повторяю,
что говорится там про вас.

1831

Платонизм

Закон: влюбляться лишь душой,
Друзья, мне вовсе непонятен;
Пусть говорят: наш век развратен
Да не мечта ли век златой?
Нет сил у твари поднебесной
Для платонической любви:
Кто ангел – тот по ней живи,
Затем что ангел – бестелесный!
Души восторги – в мире снов,
Но есть восторги и для тела,
И мы оставим ли без дела
Дары догадливых богов?
Одной мечты и мудрым мало:
Мне сказывал археолог,
что у Платона.....

.....

Когда один, в ночной тиши,

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Сей баловень воображенья
Писал систему наслажденья
Для человеческой души.

1827

В альбом Ш. К.
Доверчивый, простосердечный,
Безумно следуя мечте,
Дается юноша беспечно
В неволю хитрой красоте;
Кипит, ликует, возвышается
Его надежда; перед ним
Мир очарованный является
Безбрежным, ясным и святым.
Он долго рабствует прекрасной,
Он богом идола зовет;
Но сон проходит сладострастный
И в то же сердце не придет!
Счастлив, когда любви волнение
Он своевольно усмирил
И стыд, и гордость, и презрение
Для ней во нраве сохранил.

1825

А. П. Елагиной
Таков я был в минувши лета,
В той знаменитой стороне,
Где развивались во мне
Две добродетели поэта:
Хмель и свобода. Слава им!
Их чудотворной благодати,
Их вдохновеньям удалым
Обязан я житьем лихим
Среди товарищей и братьев,
И неподкупностью трудов,
И независимостью лени,
И чистым буйством помышлений,
И молодечеством стихов.
Как шум и звон пирушки вольной,
Как про любовь счастливый сон,
Волшебный шум, волшебный звон,
Сон упоительно-раздольный
Моя беспечная весна
Промчалась. Чувствую и знаю,
Нецеломудренна она
Была – и радостно встречаю
Мои другие времена!
Но святы мне лета былые!
Доселе блещут силой их
Мои восторги веселые,
Звучит заносчивый мой стих...
И вот на память и храненье,
В виду России и Москвы –
Я вам дарю изображенья
Моей студентской головы!

1832

Весенняя ночь
В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Откликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.
Как я люблю приют мой одинокий!
Как здесь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!
Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов... Где же ты,

Как поцелуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?
Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный, журчит и замирает,
Как он кипит, веселый и живой!
Или когда твои родные звуки
Тебя зовут – и, буйная, летишь,
Крутишь главой, сверкаешь, и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!
Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный,
Поэзия московского житья!
Приди, утешь мое уединенье,
Счастливую рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На светлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

1832

«Сияет яркая полночная луна...»
Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеят и хранят мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье
Влечет меня в тот край, где светлый мир наук,
Привольное житье и чаш веселый стук,
Свободные труды, разгульные забавы,
И пылкие умы, и рыцарские нравы..
Ах, молодость моя, зачем она прошла!
И ты, которая мне ангелом была
Надежд возвышенных, которая любила
Мои стихи; она, прибежище и сила
И первых нежных чувств и первых смелых дум,
Томивших сердце мне и волновавших ум,
Она – ее уж нет, любви моей прекрасной!
Но помню я тот взор, и сладостный и ясный,
Каким всего меня проникнула она:
Он безмятежен был, как неба глубина,
Светло-спокойная, исполненная Бога
И грудь мою тогда не жаркая тревога
Земных надежд, земных желаний потрясла;
Нет, гармонической тогда она была,
И были чувства в ней высокие, святые,
Каким доступны мы, когда в часы ночные
Задумчиво глядим на звездные поля:
Тогда бесстрастны мы, и нам чужда земля,
На мысль о небесах промененная нами!
О, как бы я желал бессмертными стихами
Воспеть ее, красу счастливых дней моих!
О, как бы я желал хотя б единый стих
Потомству передать ее животворящий,
Чтоб был он тверд и чист, торжественно звучащий,
И, словно блеском дня и солнечных лучей,
Играл бы славою и радостью о ней.

1846

«Милы очи ваши ясны...»
Милы очи ваши ясны
И огнем души полны,
Вы божественно прекрасны,
Вы умно просвещены;
Всеобъемлющего Гете
Понимаете вполне,
А не в пору вы цветете
В этой бедной стороне.

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Ни ко вздохам вещей груди,
Ни к словам разумных уст
Нечувствительны здесь люди –
Человек здесь груб и пуст:
Много вам тоски и скуки.
Дай же Бог вам долго жить –
Мир умнеет: наши внуки
Будут вас боготворить.
Между 1829 и 1833
Лукьян Якубович
1805–1839

Ропщущему
Не говори: «несчастен я!»
Не испытывай несчастья,
И яду не испив из чаши бытия,
Я говорил: «несчастен я!»
Но то прошло, что было прежде;
Теперь мои открылись глаза:
Не слушаю глупца, не верю я невежде,
А верю – в небеса.
Несчастливы мы лишь только по сравнению:
Кто ж бед не испытал?
Вельможа и богач, поверь мне, к сожаленью,
Как ты, страдает и страдал.
Взгляни на бедняка, которому судьбина
Необходимого для жизни не дала;
За что ж тебя, как милого ей сына,
Пред тысячью людей так гордо вознесла?
Тебе ль роптать! стыдись! перед тобою,
Как бедны все невежды и глупцы!
Как будто мачехой, забытые судьбою,
Они ничтожные и жалкие слепцы..
Всё бродят ощупью, самих себя не зная,
Не чести – почестей век ищут для себя,
Другим зло делают – душой от зла страдая,
И умирают – не живя.
1829

Дева и поэт
Прекрасна девица, когда ее ланиты
От уст сжигающих еще сохранены,
И очи влажностью туманной не облиты,
И девственны еще и кротки юной сны,
И чисты помыслы, желания хариты,
Как чисты небеса в час утренний весны,
Красавица тогда подобна розе нежной:
И небо, и земля – всё ей покров надежный.
Удел прекрасен твой, любимец муз; счастливый,
Когда ты чужд корысти и похвал,
Не кроешь слез под маскою шутилой,
И Богу одному колена преклонял.
Чувствительный, возвышенный, правдивый,
Сберег тайник души, как чистый идеал.
Поэт, как сходен ты с невинной красотой;
Ты долу нас роднишь с небесной высотой.
1832

Мольба
В цветущей юности, жрец Феба и Киприды,
Я счастлив. Об одном молю вас, Аониды!
Храня убогую, знакомую вам сень,
От волн забвения мою спасите тень;
Чтоб, слушая мой стих веселый иль унылый,
Старик посетовал о жизни легкокрылой;
Чтоб в девах он родил желания и грусть;
Чтоб юноши его твердили наизусть;
Чтоб стих мой оставлял живые впечатленья
И грусти, и любви, ума и вдохновенья.
1832

Заветные слова

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Над Дунаем над рекою,
В бусурманской стороне,
Умирая после боя,
Воин молвил слово мне:
«Отнеси, брат, в край любимый,
После дружних похорон,
Челобитьице – родимой
И родимому – поклон!..»
«А жене?» – «Своя ей воля
Стать вдругорядь под венец:
Видно, брат, моя недоля,
И жене не муж мертвец!
Весть снеси вдове такую:
Что женат я на другой,
Что с другою век векую
Я под крышей вековой,
Что за нею на погосте
Взял я каменный накат,
Пуля – сватала, а гости
Были пушки да булат!»
1832

Женщине-поэту
Не уста твои сахарны
И не очи мне твои,
Что так живы и коварны,
Дышат негою любви, –
Нет, мне мил души избыток,
Сердца девственная мощь;
Твой пегас умен и прыток;
На земле ты к небу вождь!
И широким сильным бегом
Мчит тебя твоя ладья –
феба к пиршественным негам,
К цели высшей бытия.
Ты несешься сладострастно
К заповеданным брегам –
Так светла и так прекрасна,
Как хвалений фимиама!
Я молю, из тьмы Эреба
Простирая к миру длань:
«С высоты лазурной неба
На земли скитальца взглянь!»
1836

Подражание Саади
Молвил я однажды другу:
«Сделай мне одну услугу,
Приложи к устам печать,
Научи меня молчать.
И добро и зло бывает
В разговорах наших сплошь,
Враг всё злое замечает,
От злоречья как уйдешь?»
«Друг! – заметил мне приятель. –
Терпит злых и Сам Создатель,
Любишь мед – люби и сот;
Из врагов же лучший тот,
Кто добра не примечает,
Видя в нас один порок:
Чрез него-то получает
Человек прямой урок!»
1836

Александр Пушкин
1799–1837

Элегия

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда тихая лелеет;

Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
И с ней увянут жизни розы.
Но я, любовью позабыт,
Любви не позабуду слезы!

1816

Сновидение
Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем, царем я зрел себя;
Мечталось, я любил тебя –
И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял.
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только – царство потерял.

1817

К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада
Митрополит, хвостун бесстыдный,
Тебе прислав своих плодов,
Хотел уверить нас, как видно,
Что сам он бог своих садов.
Возможно всё тебе – харита
Улыбкой дряхлость победит,
С ума сведет митрополита
И пыл желаний в нем родит.
И он, твой встретив взор волшебный,
Забудет о своем кресте
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте.

1817

К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой)
Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё подъямлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;
Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю милой –
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;
Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

1817

«Когда сожмешь ты снова руку...»
Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую библию харит?
Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости молодой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!
Неси в чужой предел пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби недевственного брата,
Страдальца чувственной любви!

1818

Лиле
лила, лила! я страдаю

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Безотрадную тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лила: ты прекрасна
и бесчувственной красой.
1819

Прелестнице
К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалить
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст, и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет...
Невольный хлад негодованья
Тебе мой роковой ответ.
Твою прелестью надменной
Кто не владел во тьме ночной?
Скажи: у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?
Нет, нет, другому свой завялый
Неси, прелестница, венок;
Ласкай неопытный порок,
В твоих объятиях усталый;
Но гордый замысел забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательную грудь!
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья,
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!
1818

Возрождение
Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.
1819

Мадригал М..ой
О вы, которые любовью не горели,
Взгляните на нее – узнаете любовь.
О вы, которые уж сердцем охладели,
Взгляните на нее: полюбите вы вновь.
1819

К. А. Б***
Что можем наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумать не успею, скажу: ты всех милей;
Подумаю, я скажу всё то же.
1819

В альбом Сосницкой
Вы соединить могли с холодностью сердечной

Чудесный жар пленительных очей.
Кто любит вас, тот очень глуп, конечно;
Но кто не любит вас, тот во сто раз глупей.
1819

Бакуниной
Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей.
1819

Добрый совет
Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отыдем
Всё, что отыметса у ней.
1820

«Увы! зачем она блистает...»
Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнь молодую
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Счастливым круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать...
Спешу в волненье дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее;
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.
1820

К *** (Зачем безвременную скуку)
Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.
1820

Черная шаль
Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.
Когда легковверен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;
Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.
Однажды я созвал веселых гостей;

Ко мне постучался презренный еврей;
«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».
Я дал ему злата и проклял его
И верно позвал раба моего.
Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.
Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...
В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.
Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.
Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.
Я помню моления... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!
С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.
Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.
С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.
Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820

«Мне вас не жаль, года весны моей...»
Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной:
Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые
Мне вас не жаль, изменницы молодые
Задумчивый, забав чуждаюсь я.
Но где же вы, минуты умиления,
Младых надежд, сердечной тишины?
Где прежний жар и слезы вдохновения?..
Придите вновь, года моей весны!

1820

«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»
Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное течение.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслаждение,
Что я любил, что изменило мне.
Пуškai я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная! ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви... быть может, ужаснешься.
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

1821

Кокетке
И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,

Чтоб умер от любви повеса?
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет – немногим боле.
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены, верно, надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
С начала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый..
Безумным притворился я,
И притворились вы стыдливой,
Мы поклялись... потом... увы!
Потом забыли клятву нашу;
Клеона полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Всё хорошо, благопристойно,
Могли б мы жить без дальних ссор
Опять и дружно, и спокойно;
Но нет! сегодня поутру
Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность –
Вы проповедуете вновь
Покойных рыцарей любовь,
Учтивый жар, и грусть, и ревность.
Помилуйте – нет, право нет.
Я не дитя, хоть и поэт.
Когда мы клонимся к закату,
Оставим юный пыл страстей –
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату:
Им можно с жизнью шалить
И слезы впредь себе готовить;
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

1821

«В твою светлицу, друг мой нежный...»
В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз.
Любви счастливой, безмятежной
Делю с тобой последний час.
Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первых утренних лучей
Не жги свечей.

1821

Иностранке
На языке, тебе невнятном,
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

1822

Гречанке
Ты рождена воспламенить

Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной...
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи – когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал, иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине?
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу;
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно всё, что мило.
1822

Ночь
Мой голос для тебя и ласковый, и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..
1823

Сожженное письмо
Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают – легкий дым
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...
1825

«Лишь розы увядают...»
Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетает
Их легкая душа.
И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.
1825

«Если жизнь тебя обманет...»
Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.
1825

К *** (я помню чудное мгновенье)
я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.
1825

«Цветы последние милей...»
Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.
1825

«Всё в жертву памяти твоей...»
Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.
1825

«В крови горит огонь желанья...»
В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию, безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.
1825

К. А. Тимашевой
Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах;
Соперницы запретной розы
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Немного рифм и много прозы.
1825

Признание

Я вас люблю, хоть и бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно я зеваю;
При вас мне грустно я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь – мне отрада;
Вы отвернетесь – мне тоска;
За день мучения – награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетесь в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня нетрудно!..
Я сам обманываться рад!
1826

Ек. Н. Ушаковой

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?
1827

«Ты» и «вы»

Пустое «вы» сердечным «ты»
Она, обмолвись, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.

Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

1828

Ее глаза

Она мила – скажу меж нами –
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля –
В них скромных граций торжество;
Поднимет – ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

1828

«Счастлив, кто избран своенравно...»

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову, ревниво
Признанья слушает твои.

1828

Красавица

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.
Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

1832

К *** (Нет, нет, не должен я, не смею, не могу)

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное создание,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Всё – даже счастье того, кто избран ей,

Кто милой деве даст название супруги.

1832

«Когда б не смутное влечение...»
Когда б не смутное влечение
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б – наслаждение
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал –
И всё бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал...

1833

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»
Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1834

«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...»
Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

1835

«Я думал, сердце позабыло...»
Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

1835

Подражание арабскому
Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюсь я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

1835

«От меня вечер Леила...»
От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: «Постой, куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: «Всему пора!
То, что было мускус темный,
Стало нынче камфора».
Но Леила неудачным
Посмеялась речам
И сказала: «Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам».

1836

«Я пережил свои желанья...»
Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,

Плоды сердечной пустоты.
Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец –
живу печальный, одинокой,
и жду: придет ли мой конец?
Так, поздним хладом пораженный,
как бури слышен зимний свист,
Один – на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..
1836

Михаил Лермонтов

1814–1841

Глупой красавице

1

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина –
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

2

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем, что чаша влаги страстной,
Как голова твоя – пуста.

1830

К *** (Не думай, чтоб я был достоин сожаленья)

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны; – нет;
Нет! все мои жестокие мученья –
Одно предчувствие гораздо больших бед.
Я молод; но кипят на сердце звуки,
и Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки;
О, если б одинаков был удел!..
Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды
и бурь земных, и бурь небесных вой.
Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад – прошедшее ужасно;
Гляжу вперед – там нет души родной!

1830

В альбом

1

Нет! – я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

2

Быть может, некогда случится,
что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
и вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
как близ дороги столбовой
Пришельца – памятник могилы!..

1830

Опасение

Страшись любви: она пройдет,
она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
ничто воскреснуть не поможет.
Краса, любимая тобой,

Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...
И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки
Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодую...
Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..
1830

Весна
Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди лугов местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуиюные поля
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу, природа молодеет,
Не молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.
1830

Разлука
Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезам горькими, тоскою
Я о прощенье умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты;
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! Вечную разлуку
Трепещу вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...
1830

Одиночество
Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье – все готовы:
Никто не хочет грусть делить.
Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;
И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?
Никто о том не покрутится,

И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

1830

К глупой красавице
Тобой пленяться издали
Мое всё зрение готово,
Но слышать, Боже сохрани,
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...
Так смерть красна издалика;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока,
Лишь только б не она за мною.
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье,
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

1830

Посвящение
Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был – ты это знал –
И бедняка не кинул ты.
Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властью страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.
И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы.
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..

1830

Романс
В те дни, когда уж нет надежд,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших вежд,
И легче на груди страданье.

1830

Черны очи
Много звезд у летней ночи;
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.
Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.
Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

1830

К ***

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Но знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; но меж людей
Он не годился – и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,

И он погиб во цвете лучших дней;
И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!
1830

«Нередко люди и бранили...»
Нередко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.
И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело –
От сердца чувство отлетело,
И я не мог ему простить.
Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!
1830

К *** (Будь со мною, как прежде бывала...)
Будь со мною, как прежде бывала;
О, скажи мне хоть слово одно;
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;
Если искра надежды хранится
В моем сердце – она оживет;
Если может слеза появиться
В очах – то она упадет.
Есть слова – объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;
О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!
1831

«Кто в утро зимнее, когда валит...»
Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря;
В борьбе с порывным ветром этот звон
Далеко им по небу унесен
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.
И этот звон люблю я! – Он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастья людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру всё, но сам –
Сам чужд всему, земле и небесам.
1831

К *** (Ты слишком для невинности мила)
Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастье б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. – Видала ль быстрый ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно и темно!
1831

К *** (Всевышний произнес свой приговор)

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер,
и беспристрастно всё оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно всё, что мог отдать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И, мне польстив любовию сперва,
Ты изменила – бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь – и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд, и мук, и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастьем моим
И, услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым,
Прости! – вот всё, что я желаю..
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!
1831

«Сижу я в комнате старинной...
Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одеваает,
И хладный ветер по листам
Высоких лип перебегаает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. – А как узнать? быть может,
Приход нежданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! – шорох
В развалинах... и крик! – но нет!
То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто... волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен твоей рукою!
1831

Песня
желтый лист о стебель бьется
Перед бурей:
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.
Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Унесет далеко, далеко,
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая;
Зачем грустить молодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?

1831

Силуэт
Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней.
В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

1831

«Забудь опять...»

Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать
Судьба невежды;
Она дитя:
Не верь на слово;
Она шутя
Полюбит снова;
Всё, что блеснит,
Ее пленяет;
Всё, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

1831

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

«Я не для ангелов и рая...»

Я не для ангелов и рая
Всесильным Богом сотворен;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знает он,

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой;
Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.

1831

«Пусть я кого-нибудь люблю...»
Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу – как неба властелин –
В прекрасном мире – но один.

1831

«Пора уснуть последним сном...»
Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавидя и любя.

1831

«Я не люблю тебя; страстей...»
Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилён он;
Другим предавшись мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё Бог!

1831

«Нет, я не Байрон, я другой...»
Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или Бог – или никто!

1832

«Я жить хочу! хочу печали...»
Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастья назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

1832

Парус
Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, – он счастья не ищет
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1832

Первая любовь
В ребячестве моем тоску любви знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампы образной,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был как лед,
И очи – этот взор в груди моей живет;
Как совесть душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.

1832

И скучно и грустно
И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят – все лучшие годы!
Любить... но кого же?.. на время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...
Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг
Такая пустая и глупая шутка...

1840

Прощанье
Прости, прости!
О, сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О, лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди
Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,
Как властелин,
Разлуку я
Переживу ль
И ждать тебя
Назад могу ль?

Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
Назло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

1832

К *** (я не унижусь пред тобою)
я не унижусь пред тобою;
ни твой привет, ни твой укор
не властны над моей душой.
Знай: мы чужие с этих пор.
ты позабыла: я свободы
для заблужденья не отдам;
и так пожертвовал я годы
твоей улыбке и глазам,
и так я слишком долго видел
в тебе надежду юных дней,
и целый мир возненавидел,
чтобы тебя любить сильнее.
как знать, быть может, те мгновенья,
что протекли у ног твоих,
я отнимал у вдохновенья!
а чем ты заменила их?
быть может, мыслию небесной
и силой духа убежден
я дал бы миру дар чудесный,
а мне за то бессмертье он?
зачем так нежно обещала
ты заменить его венец,
зачем ты не была сначала,
какою стала наконец!
я горд!.. прости! люби другого,
мечтай любовь найти в другом;
чего б то ни было земного
я не соделаюсь рабом.
к чужим горам под небо юга
я удалюсь, может быть;
но слишком знаем мы друг друга,
чтобы друг друга позабыть.
отныне стану наслаждаться
и в страсти стану клясться всем;
со всеми буду я смеяться,
а плакать не хочу ни с кем;
начну обманывать безбожно,
чтоб не любить, как я любил;
иль женщин уважать возможно,
когда мне ангел изменил?
я был готов на смерть и муку
и целый мир на битву звать,
чтобы твою младую руку –
безумец! – лишний раз пожать!
не зная коварную измену,
тебе я душу отдавал;
такой души ты знала ль цену?
ты знала – я тебя не знал!

1832

Благодарность
за всё, за всё тебя благодарю я:
за тайные мучения страстей,
за горечь слез, отраву поцелуя,
за месть врагов и клевету друзей;
за жар души, растрченный в пустыне,
за всё, чем я обманут в жизни был...
устрой лишь так, чтобы тебя отныне
недолго я еще благодарил.

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов
1840

«Выхожу один я на дорогу...»
Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

Оправдание

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей
И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролась любовь,
Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя
Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.
Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

1841

Сноски

1

Сонет «Rotta l'alta colonna e'l verde lauro».

(обратно)

Оглавление

«Ах, обмануть меня нетрудно... Я сам обманываться рад!»

Николай Карамзин 1766–1826

Прости

«Законы осуждают...» Песня из повести «Остров Борнгольм»

К соловью

Странность любви, или бессонница

Василий Жуковский 1783–1852

Цветок Романс

Счастье во сне

Песня

Воспоминание

Привидение

«Я музу юную, бывало...»

Приход весны

Денис Давыдов 1784–1839

Мудрость Анакреонтическая ода

Племяннице

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

В альбом
Поэтическая женщина
Вольный перевод из Парни
Элегия VIII
Богомолка
Романс (Не пробуждай, не пробуждай)
«Я вас люблю так, как любить вас должно...»
Романс (Жестокий друг, за что мученье?)
«Я помню – глубоко...»

Константин Батюшков 1787–1855
«Ах! чем красавицу мне должно...»
Выздоровление
«Пафоса бог, Эрот прекрасный...»
В День рождения N
На смерть Лауры
Разлука
«Рыдайте, амуры и нежные грации...»
О парижских женщинах
Вакханка

Петр Плетнев 1791–1866
К музе
С. М. С-ой. Сонет
Идеал
Объяснение
Петр Вяземский 1792–1878 «в каких лесах, в какой долине...»
Запретная роза
Черные очи
Ты светлая звезда
Любить. Молиться. Петь
«За милой встречей вслед на жизненном пути...»
«Моя вечерняя звезда...»
«Мне не к лицу шутить, не по душе смеяться...»

Кондратий Рылеев 1795–1826
Мотылек
К ней
Резвой Наташе
Акrostих
Нечаянное счастье Подражание грекам
Романс (Как счастлив я, когда сию с тобою)
Счастливая перемена
Жестокой
Элегии
К N.N.

Вильгельм Кюхельбекер 1797–1846
Разуверение
К А. Т. Пушкиной
Луна
Любовь
Марии Николаевне Волхонской
Сонет

Антон Дельвиг 1798–1831
Первая встреча
Тихая жизнь
Любовь
Русская песня (Ах ты, ночь ли)
Луна
Сонет (Я плыл один с прекрасною в гондоле)
Романс (Не говори: любовь пройдет)
Романс (Прекрасный день, счастливый день)
Разочарование
Русская песня (Соловей мой, соловей)
Эпилог
Слезы любви
«За что, за что ты отравила...»

Евгений Баратынский 1800–1844
«Тебе на память в книге сей...»
К Алине
Ропот

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

Весна

Разлука

«Приманкой ласковых речей...»

Разуверение

Новинское

«Всегда и в пурпуре и в злате...»

Николай Языков 1803–1846

Элегия

Элегия

А. А. Воейковой

С. С. Тепловой

Платонизм

В альбом Ш. К.

А. П. Елагиной

Весенняя ночь

«Сияет яркая полночная луна...»

«Милы очи ваши ясны...»

Лукьян Якубович 1805–1839

Ропщущему

Дева и поэт

Мольба

Заветные слова

Женщине-поэту

Подражание Саади

Александр Пушкин 1799–1837

Элегия

Сновидение

К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего саду

К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой)

«Когда сожмешь ты снова руку...»

Лиле

Прелестнице

Возрождение

Мадригал М...ой

К. А. Б***

В альбом Сосницкой

Бакуниной

Добрый совет

«Увы! зачем она блистает...»

К *** (Зачем безвременную скуку)

Черная шаль

«Мне вас не жаль, года весны моей...»

«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»

Кокетке

«В твою светлицу, друг мой нежный...»

Иностранке

Гречанке

Ночь

Сожженное письмо

«Лишь розы увядают...»

«Если жизнь тебя обманет...»

К *** (Я помню чудное мгновенье)

«Цветы последние милей...»

«Всё в жертву памяти твоей...»

«В крови горит огонь желанья...»

К. А. Тимашевой

Признание

Ек. Н. Ушаковой

«Ты» и «вы»

Ее глаза

«Счастлив, кто избран своенравно...»

Красавица

К *** (Нет, нет, не должен я, не смею, не могу)

«Когда б не смутное влеченье...»

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»

«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...»

«Я думал, сердце позабыло...»

Подражание арабскому

Лучшие стихи Золотого века о любви. Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов

«От меня вечер Леила...»

«Я пережил свои желанья...»

Михаил Лермонтов 1814–1841

Глупой красавице

К *** (Не думай, чтоб я был достоин сожаленья)

В альбом

Опасение

Весна

Разлука

Одиночество

К глупой красавице

Посвящение

Романс

Черны очи

К ***

«Нередко люди и бранили...»

К *** (Будь со мною, как прежде бывала...)

«Кто в утро зимнее, когда валит...»

К *** (Ты слишком для невинности мила)

К *** (Всевышний произнес свой приговор)

«Сижу я в комнате старинной...»

Песня

Силуэт

«Забудь опять...»

Ангел

«Я не для ангелов и рая...»

«Пусть я кого-нибудь люблю...»

«Пора уснуть последним сном...»

«Я не люблю тебя; страстей...»

«Нет, я не Байрон, я другой...»

«Я жить хочу! хочу печали...»

Парус

Первая любовь

И скучно и грустно

Прощанье

К *** (Я не унижусь пред тобою)

Благодарность

«Выхожу один я на дорогу...»

Оправдание

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://karamzinnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!